

Д.В. ГУГУНАВА (НИЖНИЙ НОВГОРОД)

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Растет внимание лингвистов к активизации деривационных процессов в современном русском языке, активизировавшихся в последние годы в публицистической речи в связи с экономико-политическими изменениями в жизни общества, с интенсивной интеграцией постсоветского социума в мировое информационно-культурное пространство. В этом аспекте особый интерес для анализа современных словообразовательных процессов представляют средства массовой информации (СМИ) – пресса, телевидение, радио, – которые наиболее чутко реагируют на изменения в обществе и коллективном сознании его членов. Другим индикатором актуальных процессов словопроизводства является литературная критика, которая традиционно была в России общественно-политической трибуной и отражала общественные умонастроения. В настоящее время эта роль во многом принадлежит литературной критике постмодерна (ЛКП), ставшего “общекультурной надстройкой” и распространившего свое влияние на философию, политику, религию, науку.

В современной лингвистике повышенное внимание уделяется изучению новообразований. Работа в этом направлении ведется учеными в разнообразных аспектах: словообразовательном (Е.А. Земская, Р.Ю. Намитокова, И.С. Улуханов), лексикологическом (О.И. Александрова, М.А. Бакина, А.Г. Лыков), социолингвистическом (Р.А. Будагов, Л.П. Крысин), ономаσιологическом (О.А. Габинская, Е.С. Кубрякова) и др. Исследуются различные сферы функционирования новых слов: язык и речь; речь представителей разных возрастных, социальных, этнических групп и пр. Наиболее распространен анализ новообразований в языке художественной литературы, ее отдельных родов (О.А. Габинская, В.П. Изотов, А.Г. Лыков, Р.Ю. Намитокова и др.). Активно изучаются неологизмы в различных функциональных стилях – обиходно-литературном, газетно-политическом, производственно-техническом, официально-деловом, научном (Л.М. Алексеева, Е.А. Земская, Н.Г. Иванова, Л.Н. Чехова, Н.А. Янко-Триницкая и др.).

Особняком стоит в этом ряду литературная критика, которая до сих пор неологами специально не изучалась. Это означает, что важный сектор лексических инноваций в общественно значимой гуманитарной дисциплине остается неисследованным.

1. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА КАК ОБЪЕКТ НЕОЛОГИИ И ТЕОРИИ ОКАЗИОНАЛЬНОСТИ

При создании окказионализмов говорящий использует системно заданные средства, сочетание которых образует новые формы и смыслы. Коммуникацию как таковую обслуживает закреплённая в узусе, омертвевшая часть языка. Идеальный инструмент коммуникации – речевой штамп. Однако любая культивация, достигнув внутреннего предела, оборачивается вырождением. Активная языковая личность постоянно находится в процессе преодоления этой диалектической ситуации.

Перефразируя мысль Ю.С. Степанова о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка», можно сказать, что и человек (в онтологическом плане) создан по мерке (образу и подобию) языка (или находится с ним в отношениях взаимопроизводности).

Активная языковая личность способствует проявлению языка в речь. Вместе с тем субъективное начало ограничивается системными возможностями. «Человеческий фактор» поэтому есть определенное выражение языковой системности. Диктат языка, явленный в окказиональном (через человека), диалектически противостоит диктату нормы, явленному в узуальном (через социум). Во взаимодействии языковой системы и окказиональных явлений ее речевого воплощения отражается взаимодействие человека, общества и языка.

1.1. Литературная критика (ЛК) в России традиционно выполняла роль публицистики и являлась общественно-политической трибуной, что отчасти объясняется традиционным речевым «консерватизмом» советского периода. Согласно Р. Рорти, ЛК теперь занимает то же место в секулярной культуре, которое в религиозной культуре занимала идеалистическая философия.

Сегодня мы наблюдаем расцвет **ЛК постмодерна** (ЛКП), ведущего направления русской ЛК, освобожденной от идеологических установок, в которой **милитарный дискурс** и **милитарная риторика** (М. Липовецкий) как доминанты тоталитарной культуры сменились поворотом в сторону эссеизма и автаркии как литературного жанра. Публикация книг ведущих критиков постмодерна (М. Эпштейн, В. Курицын, А. Генис и др.) – свидетельство концептуализации ЛКП как самостоятельной дисциплины со своими объектом, методами изучения и терминологией. В этих монографиях выявляются типологические признаки российского постмодерна, выстраиваются определенные концепции, подводятся итоги его развития. В ЛКП ликвидируются традиционные критерии отличия ЛК от литературоведения. ЛК обретает новые формы самосознания, а литературоведение использует художественную риторику.

ЛКП приобретает черты критикуемых произведений, участвуя в формировании **постмодернистской языковой картины мира** (ПЯКМ).

ПЯКМ характеризуется размытостью, нечеткостью аксиологического уровня ввиду декларативного отказа постмодернизма от традиционной иерар-

хии ценностей, стремления к развенчиванию авторитетов, цитатности и языковой игре. Между тем *логоцентризм* постмодернистской литературы позволяет говорить все же о наличии специфического уровня системы ценностей в ПЯКМ, принадлежащих большей частью области эстетического, а не этического. *Интертекстуальность* постмодернистских произведений представляет когнитивный сегмент ПЯКМ; их *гипертекстуальный* характер отражает мотивационно-прагматические установки автора.

Таким образом, ЛКП «претендует на равный с искусством статус, самоидентифицируясь как монологичная, не эксплицитная, безоценочная, эстетически самоценная в плане доставляемого ею интеллектуального и эстетического наслаждения. Процесс создания критического текста мыслится как продукт теоретизированной фантазии» [Маньковская 2000,301-302].

Публикация книг ведущих критиков постмодерна (М. Эпштейн, В. Курицын, А. Генис и др.) – свидетельство концептуализации ЛКП как самостоятельной дисциплины со своими объектом, методами изучения и терминологией. Весьма перспективны исследования новообразований в ЛКП, которая активно влияет на формирование общественного сознания и эстетический вкус публики, стремится к языковой игре и словотворчеству, заимствует интернациональные термины и создает собственные.

При анализе произведений ЛКП необходимо учитывать ее *гипертекстовый* характер (существование множества текстов ЛКП и ее объектов в *виртуальной реальности* интернета), что открывает новое измерение в изучении отношений языка и речи, языка и мышления, языка и общества.

Окказиональная деривация является творческим когнитивным актом, вскрывающим имплицитные возможности языковой системы, рождающим новые знания о мире. В результате новой дискретизации универсума происходит обогащение мировосприятия человека: появляется не только новая единица коммуникации и номинации, но и непременно способ раскрытия собственной системы ценностей. Динамика этого, на наш взгляд, всегда целенаправленного, процесса требует приложения определенных усилий («муки слова»); следовательно, субъектом *оказиональной деривации* (словотворцем) является активная рефлектирующая языковая личность. Объектом деривации выступает *оказиональное слово*, эксплицирующее особенности *языковой картины мира* (ЯКМ) личности на когнитивном, аксиологическом и прагматическом уровнях.

Постмодернистская ЯКМ (ПЯКМ), явленная преимущественно в письменных текстах, характеризуется в первую очередь, размытостью, нечеткостью аксиологического уровня ввиду декларативного отказа постмодернизма, лишённого «как апологетической, так и критической направленности» [Эпштейн 2000,38], от традиционной иерархии ценностей, стремления к развенчиванию авторитетов, цитатности и языковой игре. Тексты постмодернистского характера с их ориентацией на семантическую и структурную «многослойность» художественных построений, на неоднозначность и зашифрованность эстетически значимой информации соответственно могут быть подвергнуты вариативной трактовке. Между тем *логоцентризм* постмодернистской литературы по-

зволяет говорить все же о наличии специфического уровня системы ценностей в ПЯКМ, принадлежащих большей частью области эстетического, а не этического. *Интертекстуальность* постмодернистских произведений представляет когнитивный сегмент ПЯКМ; их *гипертекстуальный* характер отражает мотивационно-прагматические установки автора.

Информационный взрыв во второй половине XX века, давший толчок развитию постмодернизма «с его оцепененной и как бы сновидческой ментальностью» [Эпштейн 2000,38], привел и к преобладанию «метадискурсивных языков над первичными объектами» [Эпштейн 2000,43], в частности, к преобладанию критики над литературой. Наряду с этим наблюдается эволюция научных и общекультурных парадигм, и постмодернизм превращается из частного методологического принципа в «общекультурную надстройку», распространяя свое влияние на философию, политику, религию, науку. Так, тезис Н.Бора «процесс измерения оказывает существенное влияние на те условия, которые содержит в себе само рассматриваемое определение физической реальности» (2:427) применим и к **литературной критике** (ЛК). Постмодернизм, по словам М.Эпштейна, – это «сознание неизбежности такой ситуации, когда сама критика порождает свой предмет и реальность текста выступает как иллюзорная проекция семиотической власти критика» [Эпштейн 2000,20]. В этом проявляется гипертекстуальность *литературной критики постмодерна* (ЛКП).

Поскольку важнейшим компонентом эстетики постмодерна является языковая игра, неразрывно связанная с окказиональным словообразованием, ЛКП, эксплицируя ПЯКМ, широко использует возможности словопроизводства, в этой области практически не исследованного. Характер окказиональной деривации в ЛКП свидетельствует об особом типе языкового освоения действительности. В произведениях ЛКП немало *окказионализмов* нетерминологического характера, репрезентирующих индивидуальную дискурсивную креативность. Наиболее специфическим проявлением ПЯКМ здесь является *виртуальная деривация*, особая форма языковой игры, практически не наблюдающаяся в других типах литературы.

В качестве общеметодологической базы при анализе новообразований весьма перспективной представляется *антропологическая парадигма лингвистики*, основоположником которой считается В. фон Гумбольдт, и развившиеся на основе его учения теории отечественных и зарубежных ученых (см. напр. [Косериу 1963; Потебня 1922; Щерба 1974] и др.). Из принципов В. фон Гумбольдта в изучении языка наиболее важными для данной работы можно назвать 1) системно-целостный взгляд на язык; 2) антиномичную трактовку природы языка; 3) приоритет изучения живой речи над описанием языкового организма; 4) сопоставление языка с другими видами духовной деятельности человека, прежде всего с искусством.

1.2. В соответствии с принятым в работе динамическим пониманием как системы языка, так и различных аспектов ее реализации, *неологизм* признается *системно обусловленной узуальной лексической единицей, зафиксированной в толковых словарях современного языка или достаточно репрезентативном*

массиве текстов, и вместе с тем не утратившей в общезыковом сознании оттенок новизны.

Чисто хронологическое определение неологизма представляется совсем «однобоким» (кроме условно выбранного момента фиксации слова в определенном контексте оно ни о чем не свидетельствует, и сама характеристика новизны выводится опосредованно). Денотативная же характеристика невозможна без учета *ощущения новизны/архаичности слова.*

Субъективность ощущения новизны в известной мере элиминируется при массовом обследовании лиц, соответствующих определенному цензу языковой компетентности. Подобные обследования могут подкрепляться изучением представительного корпуса текстов на предмет появления в них новых слов/исчезновения архаизмов.

Такая двойная ориентация – и на кодифицированность, и на ощущение новизны – представляется наиболее перспективной, так как, во-первых, учитывает диалектическое взаимодействие личностного и общественного начал в развитии языка, а во-вторых, – позволяет, наконец, четко отделить неологизм от окказионализма. Так, *окказионализмом следует признать слово, не соответствующее условию кодифицированности при ощущении новизны/необычности его формальной и/или содержательной стороны.* Достаточно распространенным является мнение о том, что «новое в языке – неологизмы, новое в речи – окказионализмы» [Сенько 2000,82], когда вероятность последующей кодификации окказионализмов рассчитывается через нормативность их словообразовательной структуры, в результате чего выделяется подтип потенциализмов. Однако более продуктивным видится противопоставление окказионализмов каноническим словам не в словообразовательном отношении, а в отношении к узуализации [Марков 1977,21; Балалыкина, Николаев 1985,13; Шанский 1977,11 и др.].

Окказиональность есть актуализация потенциалов языковой системы, когда «виртуальное в языке становится актуальным в речи» [А.Г. Лыков]. Это подтверждает, например, и Й. Коржинек: «все индивидуальное многообразие конкретных речевых актов с точки зрения звучания, морфологии и синтаксиса основывается на тех возможностях и предпосылках, которые заранее предопределены данным языком. <...> В равной мере это относится и к образованию «новых» слов или к влиянию иностранного языка. Все подобные случаи лингвистически предопределены соответствующей языковой структурой или структурами» [Коржинек 1967,321,322-323].

Формирование узуального лексикона во многом обусловлено экстралингвистическими причинами, поэтому здесь определение *новый* вполне применимо (при обосновании границ сравниваемых временных срезов). Таким образом, термин *новообразование* используется далее как родовой, а видовые термины *неологизм* и *окказионализм* определяются через отношение к узусу.

Потенциализмами назовем слова, актуализированные только в результате лингвистического эксперимента, не зафиксированные в иных контекстах. Грань, отделяющая их от окказиональных слов, весьма условна: моделирование в рамках эксперимента уже является достаточным контекстом для актуализации слова. Возможности узуализации окказионализма во многом определяются,

конечно, и регулярностью его деривационной структуры, но решающее слово – за степенью общественной потребности в номинации, которая может быть создана и неузуальным (до того) способом.

По итогам первой главы сделаны следующие *выводы*:

- в изучении новообразований на сегодня остается значительный круг проблем, требующих не только разрешения, но даже и постановки; в частности системное описание новообразований ЛКП;

- общим для неологизма и окказионализма является семантический и/или формальный «привкус» новизны; оппозиционной является принадлежность к узусу (сильный член оппозиции – неологизм);

- «человеческий фактор» стоит на пути окказионализма к узуализации;

- представляется возможным следующим образом разграничить термины и понятия *потенциализм, окказионализм и неологизм*: *потенциализм* – системно заданное, но не актуализированное в речи слово; *окказионализм* – системно заданное слово, актуализированное в речи; *неологизм* – системно заданное слово, актуализированное в узусе.

2. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ ПОСТМОДЕРНА

2.1. Проблема типологии способов деривации. В настоящей работе *процессуальное понимание словообразования трактуется как вид актуализации означающего* (поиск и выражение ранее не выраженной материальной (знаковой) оболочки означаемого, непосредственно доступной для наблюдения, в отличие от потенциально возможной, но не объективированной оболочки). Термины *словообразование, деривация, словопроизводство, словотворчество* используются в этом значении как абсолютные синонимы. Для того чтобы признать оболочку актуализированной, необходимо наблюдать ее в специфическом дифференцирующем контексте. В этом виде актуализации (в отличие от воспроизведения готовых единиц и их форм) наблюдается на уровне слова активность языковой личности, преодолевающей усредненность нормированной коммуникации.

Узуальные способы характерны как для узуальных, так и для окказиональных слов, *Составив классификацию способов и средств деривации, проиллюстрируем ее окказиональными и узуальными примерами.* Таким образом, окказиональными будут признаны способы, для которых нет узуальных примеров.

Узуальными способами деривации следует признать все лингвистические механизмы, способствующие пополнению или уменьшению кодифицированного словаря; применяемые при этом средства также признаются узуальными. Соответственно незуальными следует назвать такие *способы и средства, которые способствуют актуализации некодифицированного словаря* (пополнение и уменьшение здесь невозможны, поскольку и до, и после, и вне актуализации незуальное слово существует в языке потенциально).

Общепринятым является деление способов деривации на чистые (префиксация, суффиксация и т.д.) и смешанные, использующие одновременно средства нескольких чистых способов (префиксально-суффиксальный, префиксально-сложный и т.д.). Наша задача – классифицировать в первую очередь чистые способы, поскольку, с одной стороны, потенциально безграничное количество *смешанных способов* не может быть описано со всей полнотой, а с другой, – для описания любого смешанного способа в принципе достаточно иметь четкую классификацию чистых способов.

Неоднозначно трактуется лингвистами так называемая *семантическая деривация (семантизация)*. Вряд ли можно признать самостоятельность этого способа в сфере словообразования. Нам близка точка зрения В.Н. Немченко, отмечающего, что между значениями полисеманта нет словообразовательных отношений [19:256]. Действительно, не лексический смысл является производным для готовой оболочки (ведь в результате семантизации возникает омоним, а не лексико-семантический вариант), а наоборот, для объективации этого смысла подбирается и используется готовая оболочка [22:105-106]. *Получившееся слово оказывается немотивированным внутрисистемными единицами,*

то есть в подобных случаях, видимо, наблюдается **креация**. Под креацией в литературе понимается «изобретение произвольного немотивированного знака» [6:105]; ср. [10:55; 16:19; 22:112]. Все слова, не мотивированные другими словами данного языка на данном этапе развития, можно квалифицировать как дериваты, образованные способом креации. Во всяком случае, трудно согласиться с пониманием семантизации как способа словообразования, когда этим термином обозначается «любое изменение значения слова при сохранении звуковой оболочки» [10:168].

2.2. Выделение собственно окказиональных способов деривации¹, противопоставленных узуальным, впервые находим в работах Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1975б; Янко-Триницкая 2001], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова 1986; Намитокова 1989], И.С. Улуханова [Улуханов 1992а; Улуханов 1992б; Улуханов 1996], В.П. Изотова [Изотов 1990; Изотов 1994]. Например: «Окказиональное словообразование представляет собой специфическую словообразовательную подсистему не потому, что оно порождает слова лексически необычные, а потому, что помимо отдельных слов с необычной структурой оно располагает целым рядом образцов и способов, используемых исключительно для создания окказионализмов» [Янко-Триницкая 2001,466]; «*Это периферийные способы узуального словообразования и специфические для окказионального словообразования поэтической речи – редеривация, субституция, наложение, контаминация, тмезис*» [Намитокова 1986,144]. Ср. определение В.П. Изотова: «неузуальные способы занимают периферию словообразовательной системы: с их помощью, как правило, образуются только окказиональные слова» [Изотов 1990,15]; определение И.С. Улуханова: «способы, реализованные только окказионализмами» [Улуханов 1996,26] и др. Разумеется, подобные дефиниции, лишенные окончательной ясности, нуждались в дальнейшей конкретизации, которая, большей частью, идет лишь индуктивно, по перечислительно-описательному пути. Еще Н.А. Янко-Триницкая разграничивает несколько способов, вернее, типов словопроизводства, не давая четкого определения их формантов. В работах В.П. Изотова находим описание уже 161 способа.

Думается, наиболее приемлемый метод систематизации здесь – соотнесение этой безграничной потенции системы с фиксированным ее воплощением, с точкой отсчета, за которую можно принять литературную норму, объективно существующую в данном языковом коллективе. Тогда любой идиолект может быть описан как по отношению к узусу, так и по отношению к системе (так потенциальные, гипотетические слова, актуализируемые самим исследователем в рамках экспериментального воплощения нереализованных в узусе системных возможностей, становятся окказионализмами).

Понятно, что такая система координат подвижна в диахронии, и то, что вчера было новшеством, завтра может стать нормой, поэтому все дефиниции

---

¹ В более ранних работах говорится в основном о нарушениях определенных словообразовательных типов и о действии аналогии при образовании окказионализмов [Винокур 1943; Фельдман 1957; Ханпира 1972; Земская 1973,227-240 и др.].

будут ретроспективными. Прогнозы же, хотя и опирающиеся на статистические выкладки, на центральное или периферийное место способа в деривационной системе, не отменяют приоритета общественной потребности в принятии или неприятии очередной новации.

Оппозиция синхроническое/диахроническое словообразование в избранном ключе исследования нерелевантна (принимается распространенная концепция синхронно-диахронной диффузности окказионализмов [Лыков 1972,43]);² также представляется справедливой мысль С.И. Торопцева о том, что «словопроизводственный процесс только диахроничен. Но его диахрония ограничена временем, в котором протекает, осуществляется словопроизводственный акт, связанный с образованием каждой конкретной единицы конкретным носителем языка» [Торопцев 1980,32]).

На данном этапе работы в классификацию чистых способов и средств деривации можно включить четырнадцать парадигм, каждая из которых объединяет инвариант (прямой способ) и обратный вариант. Каждая парадигма охарактеризована через собственный формант, не повторяющийся в других чистых способах. Инварианты каждой парадигмы используются для актуализации как окказиональных, так и узуальных слов русского языка (неузуальные способы представлены лишь неузуальными примерами). Из этих четырнадцати парадигм в литературе с достаточной степенью последовательности описаны семь прямых способов (*креация, префиксация, суффиксация, постфиксация, флексация, сегментация, композиция*) и их обратные варианты (за исключением обратного варианта *креации*). Однако до сих пор обратное словообразование трактуется крайне разноречиво; при этом нигде, кажется, еще не проводилась мысль о том, что *каждому прямому способу должен соответствовать обратный*.

Можно дать новое определение парадигме *креации* и еще семи парадигмам, варианты которых ранее не были описаны (три парадигмы *идеографической деривации, при которой базой, формантом или дериватом являются различные идеограммы*; четыре парадигмы переходного типа (смежные с композицией) с соответствующими формантами – *префиксоидом, суффиксоидом, постфиксоидом и сегментоидом*).

1. Креация – актуализация выраженного *звукорядом* означающего на базе семемы, не актуализированной этим означающим ранее, например, **сайберспейс* (ср. узуальное *пейджер*). При этом отсутствуют производящие слова (корни) в данном языке.

1'. Архаизация – дезактуализация выраженного узуальным *звукорядом* означающего, например, *наркомат*. К этому варианту можно отнести *историзмы и архаизмы*.

2. Идеографизация – актуализация выраженного *видеорядом* означающего на базе семемы, не актуализированной этим означающим ранее, напр. **Stogoff* (ср. узуальные *РСФСР, США*). Выделяется для дериватов с *вариативным зву-*

---

² «Так как образование лексически единиц осуществляется в речи, возникновение их по любому способу характеризуется разовостью» [Торопцев 1980,80]

ковым обликом.

2'. **Фонографизация** – дезактуализация выраженного видеорядом означающего, напр. *Мурак@ми; *1,5цкий (ср. узуальные **БАМ**, **вуз** и т.п.).

3. **Интеграция** – актуализация *контакта* выраженных видеорядом означающих на базе объединения актуализируемых ими семем, напр., ***слова слились в одну фразу** (ср. узуальное **вперёдсмотрящий**). Парадигма выделяется для *неодноударных дериватов*.

3'. **Дезинтеграция** – дезактуализация *контакта* выраженных видеорядом означающих на базе разъединения актуализируемых ими семем, например, ***живо трепещущий** (ср. узуальное **ничтоже сумняшеся**).

4. **Онимизация** – актуализация *онимографа* (компонента внешнего облика, отличающего прописную букву от строчной) в выраженном видеорядом означающем, например, ***Тынский** ← ***Бора** || ***тынский** (ср. узуальные типа **Искра**).

4'. **Дезонимизация** – дезактуализация *онимографа* в выраженном видеорядом означающем, например, ***камю** и ***сартры** (ср. узуальные типа **геркулес**).

5. **Префиксоидация** – актуализация *префиксоида* в производящей базе, например, ***антисмысл** (ср. узуальное **авторучка**).

5'. **Депрефиксоидация** – дезактуализация *префиксоида* в производящей базе, например, ***клав** ← **автоклав**; ***бус** ← **автобус**.

6. **Суффиксоидация** – актуализация *суффиксоида* в производящей базе, например, ***бахтиновед** (ср. узуальное **пушкиновед**).

6'. **Десуффиксоидация** – дезактуализация *суффиксоида* в производящей базе, например, ***отоларинг** ← **отоларинголог**.

7. **Постфиксоидация** – актуализация *постфиксоида* в производящей базе, например, ***время-после-нас**, ***истина-для-всех** (ср. узуальные **Фау-2**, **Ростов-на-Дону**). **Постфиксоидами** можно назвать морфемы переходного типа, выступающие как в роли самостоятельных корней, так и в роли постфиксов. Это опрошенные слова, лишившиеся окончаний, находящиеся в постпозиции к склоняемой первой части, что сближает их с аналитическими прилагательными типа **беж**. Постфиксоиды «числительного» происхождения на письме имеют, как правило, *логографический облик* (в виде цифр).

7'. **Депостфиксоидация** – дезактуализация *постфиксоида* в производящей базе, например, ***Фау** ← **Фау-2**.

8. **Сегментоидация** – актуализация *сегментоида* в производящей базе, например, ***инсектопия**, ***толстозавр** (ср. узуальное **динозавр**). Под **сегментоидом** понимается морфема переходного типа, эволюционирующая из асемантического сегмента в корень, в словах, не обладающих членимостью или со слабой степенью членимости.

8'. **Десегментоидация** – дезактуализация *сегментоида* в производящей базе, например, ***дино** ← **динозавр**.

2.3. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

На современном этапе развития литературного языка многократно возросла роль его письменной формы, в некоторых областях сумевшей потеснить

первичную знаковую систему. Одной из таких областей сегодня является словопроизводство, или деривация. До сих пор, насколько известно, участие графики в деривации на материале русского языка отмечалось лишь в узком секторе производства некоторых аббревиатур. Однако реальная сфера действия (идео)графической деривации даже шире сферы действия звуковой деривации (конечно, не в абсолютно-количественном исчислении произведенных слов, но в тех преимуществах, которыми отличается письменная форма актуализации дискурса). Так, появляются специфические слова с нечеткой звуковой оболочкой, но с четкой графической (напр. *пост(а)теист*). Количество подобных дериватов невелико, однако до последнего времени вопрос о них вообще не вставал. А буквенные аббревиатуры, начав активно образовываться около ста лет тому назад, сегодня стали уже привычными единицами коммуникации.

Идеографическая деривация – это не один способ, а целая область разнообразных феноменов, функционирующих в современных речевых процессах. Часть из них закреплена в узусе (в некоторых узуальных дериватах идеограммы являются единственным отличием от базы деривации). Для актуализации ряда производных (например, буквенных аббревиатур, торговых знаков) графика явилась первичной знаковой системой (*идеографизация*), в результате чего звуковой (вторичный) облик не играет существенной роли в их функционировании, является вариативным, факультативным или невозможным.

Напротив, ряд идеограмм в определенных контекстах обретает однозначный звуковой облик (*фонографизация*), участвуя в процессах деривации как база, формант или дериват; помимо формирования звуковой стороны такие идеограммы облигаторно приносят в дериват смысл, обозначаемый ими до фонографизации.

Идеографическая деривация реализуется в основном незузальными способами (и вариантами способов), так как большинство идеограмм не имеют конвенционально закрепленного звукового облика.

Если дериват сконструирован линейно (одна оболочка последовательно соотносится с одним словом), то идеограммы в составе оболочки озвучиваются как фонограммы или, наоборот, фонограммы утрачивают самодовлеющий характер озвучивания, превращаясь в идеограммы, то есть идеограмма является базой, формантом или дериватом. Часть таких дериватов уже вошла в узус. Например, в инициальных аббревиатурах идеограммы (буквы) служат базой (в языковом сознании аббревиатуры являются производными именно от графической формы соответствующих слов); в том числе в буквенных происходит иконографизация (их графический облик соотносится не со звучанием, а непосредственно с означаемым (преимущественная сфера употребления – письменная), звуковой же облик вариативен (что фиксируют даже толковые словари), напр. *США*, то есть дериват тоже является идеограммой; звуковые же аббревиатуры становятся полноценными словами (фонограммами).

Если база деривации – фонограмма – используется как торговый знак (снова преимущественная сфера употребления – письменная), то для нее *находится уникальный видеоряд*, который и формирует отличие, например, фамилии *Стогов* от логотипа *Stogoff*.

Иногда в целях компрессии, лаконичности общеупотребительные слова на письме сокращаются; звучание же их приобретает вероятностный характер. Так, сокращение типа *и др.* является упрощенным единым вариантом для обозначения не только всех словоформ базовых лексем, но и самых различных словосочетаний.

В результате обозначения слова через логограмму (цифру или другой широкоупотребительный знак) слово обретает несколько равновероятных звуковых оболочек, совмещение которых окказионально.

Проведенные наблюдения позволяют сформулировать рабочее определение *идеографической деривации* – это *участие идеограмм(ы) в качестве базы, форманта или деривата в процессе актуализации означающего*.

С идеографической деривацией тесно связана ранее практически не исследованная *деривационная виртуальность*. Под виртуальностью здесь понимается зависимость адекватной реализации вероятностной структуры и семантики деривата от воли каждого конкретного реципиента. Сама постановка проблемы, казалось бы, должна исключать возможную узуализацию вероятностных способов как препятствующих коммуникации.

Эксплицитная виртуальность как дериватологическая категория реализуется в том типе дериватов, которые представлены графически нелинейно: не имеют однозначной звуковой оболочки; окказионально членятся идеограммами, виртуализирующими сам процесс деривации (дефис), формант и операцию (скобки, слеш), семантику форманта (кавычки). В графическом облике ряда узуальных сложных (апозитивных) дериватов можно наблюдать дефис, соединяющий и в то же время разъединяющий производящие (*бал-маскарад; Боготец*). По всей видимости, апозитивное сложение – один из этапов на пути к полному объединению слов, на котором оба еще сохраняют свои парадигмы словоизменения. Ср. слово *плац-палатка*, первая часть которого уже не изменяется.

Между тем эксплицитная виртуальность на всех уровнях языка в большинстве случаев предоставляет возможность выбора всего из двух-трех вариантов, то есть, организуя высказывание нелинейно, является довольно простым, универсальным и эффективным средством компрессии (тем самым облегчая коммуникацию), что в перспективе может привести к узуализации. В частности, *нелинейно сконструированный термин, элементы которого воспринимаются интерактивно, поскольку эксплицированы виртуально*, может компрессировать или стать гиперонимом для нескольких терминов, состоящих между собой в отношениях антонимии или синонимии, при этом его линейная протяженность будет равна одному из них. Например, *(не)эвклидова геометрия* [пример из РГ-80 – Д.Г.]; *Физикохимия ультрадисперсных (нано)систем* [реальное название научной конференции – Д.Г.].

Эксплицитная деривационная виртуальность реализуется только на письме, что связано с использованием идеограмм в качестве вспомогательного средства. Этот вид деривации принципиально отличен от линейных способов. Семантическое и формальное усложнение здесь равновероятно возможны и невозможны. При актуализации виртуальных дериватов в речи наиболее сильно

проявляется «человеческий фактор». Письмо – инструмент фиксации, обработки, подчинения языка человеку. Поиск способов актуализации означающего, для которого графика – первичная знаковая система, возможен лишь при очень высокой степени владения языком.

Имплицитная виртуальность как дериватологическая категория выступает в вероятностных омоформах к производящим на фоне контекста (напр., *прилетали* как сущ. множ.ч. или *педали* как глаг. пр.вр. множ.ч.); в случаях эмансипации части слова, которой равновероятным образом приписывается значение всех слов, содержащих эту часть (напр., префикс *пере*; суффикс *изм* и т.д.).

Литературная критика постмодерна, по нашим наблюдениям, – основная сфера применения эксплицитной виртуальной деривации. Некоторые примеры зафиксированы в других источниках (рекламные тексты, публицистические тексты, научные тексты). Имплицитная виртуальность способствует реализации эстетической функции языка, используясь в рекламных текстах, в текстах юмористического содержания разных жанров с целью комического (как правило) воздействия. Эмансипированные части слов часто наблюдаются в публицистических произведениях как средство сатирической оценки.

При виртуальной деривации одна оболочка служит актуализации двух (и более) слов, что может быть выражено имплицитно (окаzionale расширение синтагматики как показатель заимствованной внешней формы) или эксплицитно (формант графически обособляется от производящей базы, при этом база и формант не деформируются). В таких случаях идеограмма (скобки, кавычки, дефис, слеш) является не формантом, а вспомогательным средством соединения базы и форманта, наподобие морфонологического усечения/наращения основы или интерфикса. Такие идеограммы не способны выражать лексическое или морфемное значение, не обретают звуковой стороны, обозначая лишь предельно абстрактную грамматическую идею (в данном случае – идею специфического виртуального соединения) в следующих разновидностях: *парентезис* (заклучение в скобки); *квотация* (заклучение в кавычки); *дефисация* (членение-разделение дефисом); *слешинг* (написание через слеш):

1) **парентезис**: *пост(а)теист* [М.Эпштейн]; *(само)уничтожение*; *не(слишком)ленькие* [М. Липовецкий] и т.п. (происходит *виртуализация форманта и самого процесса*);

2) **дефисация**: “*ботать по-дерриде*” [В. Курицын]; *по-кончить с собой* [М. Липовецкий] (*дефис виртуально соединяет или членит слово*);

3) **квотация**: “*супер*”*вещь* или “*супер*”*идея* [М.Эпштейн] и т.п. (*кавычки виртуализируют процесс деривации и семантика форманта*);

4) **слешинг**: *пред/постмодернизм* (*слеш виртуализируют процесс деривации*).

Формант же будет совпадать с формантом соответствующего линейного способа по своему звуковому и семантическому содержанию.

Виртуальные способы представляют собой варианты соответствующих линейных (инвариантных) способов. Максимально возможное число таких вариантов – три. Они различаются по направлению мотивации – прямой (база

равна узуальному слову, а линейно прочитанный дериват окказионален), обратной (линейно прочитанный дериват равен узуальному слову, база окказиональна) или двунаправленной (и база, и линейно прочитанный дериват равны узуальным словам).

Например, **виртуальная префиксация** означает виртуально выраженное присоединение префикса к слову, в результате чего виртуально же образуется окказионализм: **(до)модерн*. При этом виртуальный дериват теряет адекватный звуковой облик (*в одной графической оболочке отражены три равновероятных звуковых оболочки*): слово **(до)модерн* можно прочитать либо *модерн*, либо **до.модерн*, либо **модерн-домодерн*. Из этих трех оболочек две окказиональны.

Виртуальная депрефиксация – виртуально выраженное усечение префикса в узуальном слове, например, **(не)формал*.

(Де)префиксация наблюдается, если узуальны два варианта (и с формантом, и без форманта), например, **(за)очник* (из трех возможных звуковых оболочек окказиональна одна – **очник-заочник*).

Виртуальная суффиксоидация означает необязательное, виртуально выраженное присоединение суффиксоида к слову, в результате чего виртуально же образуется окказионализм: **человек(олог)*. При этом база также может быть окказиональной: **человолк(олог)*. Из этих трех оболочек две окказиональны (а в деривате **человолк(олог)* окказиональны все три оболочки).

Виртуальная десуффиксоидация – виртуально выраженное усечение суффиксоида в узуальном слове со связанным корнем, например, **стомат(олог)*.

(Де)суффиксоидация наблюдается, если узуальны оба варианта (с формантом и без форманта), например, **псих(олог)* (из трех возможных звуковых оболочек окказиональна одна – **псих-психолог*).

Внутри виртуальных вариантов возможно выделение также до четырех субвариантов, различающихся по специфике деривационной операции (parenthesis; квотация; дефисация; слешинг). Максимальный состав такой «внутри-способовой парадигмы» – 5 вариантов и 12 субвариантов. Однако детальная классификация всех явлений идеографической деривации – тема более обширного исследования.

Таким образом, идеографическая деривация тесно взаимодействует со звуковой деривацией, производя специфические новообразования с высокой степенью семантической и формальной компрессии. В существовании подобных дериватов сказывается заметное влияние письменной формы языка на устную.

По итогам второй главы можно сделать следующие выводы:

- синхронное словообразование состоит из постоянных операций поиска и актуализации звуковых оболочек слов в речи и их кодификации. Решающая роль в кодификации как самих окказионализмов, так и способов их образования принадлежит общественной потребности;

- при инвентаризации способов и средств деривации очень важно соблюдать соответствие каждому способу особого средства деривации, что позволяет избежать необоснованного выделения мельчайших, подчас и вовсе друг от дру-

га не отличающихся вариантов как самостоятельных способов и, напротив, помогает обосновать новые способы, если найдены новые средства деривации и объяснены механизмы действия способа.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ

3.1. Новообразования в ЛКП как показатель субстанциональной динамики средств деривации. В ЛКП можно отметить большое количество новообразований с иноязычными препозитивными частями. Это прежде всего новообразования в монографиях таких исследователей постмодерна, как В.Курицын (Курицын 2000), М.Н.Липовецкий (Липовецкий 1997), Н.Б.Маньковская (Маньковская 1998), М.Эпштейн (Эпштейн 2000). Наибольшую активность проявляют морфемы *пост...* (более 60 новообразований), *анти...* (более 60), *гипер...* и *супер...* (более 50), *псевдо...* и *квази...* (более 40), *нео...* (более 20), *мета...* (более 20), *авто...* (более 10).³

Элементы *псевдо...* и *квази...* в указанных работах образуют окказиональные существительные (*псевдосоциальность, псевдоцитата, псевдоцитирование, псевдовещь, псевдореальность, псевдомагия, псевдо-палимпсест, псевдокультура, псевдоклассицизм, псевдопоступок, квазиметафора, квазирелигия, квазиавтор, квазидокументальность, квазистрадания, квазиэпос* и др.) и окказиональные прилагательные (*псевдоисторический, псевдофантастический, псевдобытийный, псевдо-соц-артовский, псевдоромантический, псевдолитературный, псевдотеоретический, квазиреальный, квазисуществующий, квазинародный, квазитургеневский, квазиисторический* и др.).

Морфемы *псевдо...* и *квази...* участвуют в образовании окказиональных слов как от абстрактных, так и от конкретных номинаций. При этом сфера их употребления расширяется: традиционно они использовались для образования естественнонаучных и медицинских терминов (*псевдогибрид, псевдоастма, псевдоэллипс, псевдогаллюцинация, квазизвезда, квазимпульс, квазичастицы, квазиполюс* и др. упоминаются в общеязыковых толковых словарях), в гуманитарных же дисциплинах практически не встречались (*псевдологограмма, квазиалфавит* и *квазиморф* упоминаются только в узкоспециализированных работах), либо (как правило, в публицистике) создавали экспрессивные нетерминологические номинации (*псевдоискусство, псевдонаучный*). В настоящее же время можно наблюдать широкое распространение *псевдо...* и *квази...* в терминологическом употреблении именно гуманитарных дисциплин, в частности литературной критики. Вот лишь некоторые примеры: *Можно сказать, что Палисандр (а ведь это повествователь и квазиавтор [здесь и далее новообразования выделены нами. – Д.Г.] романа) принимает хаос, как теплую грязевую ванну – с нескрываемым удовольствием* (Липовецкий 1997); *Теперь ясно, каким образом вписывается в эту общую семантику века та диалектика (фактиче-*

³ В рамках работы уделим основное внимание синонимичной паре весьма репрезентативных, на наш взгляд, морфем *квази-* и *псевдо-*, попутно проводя параллели с другими элементами.

ски *псевдодialeктика*, так как она лишена берегающего начала) «гипер», о которой пишет М.Эпштейн (Зенкин; 53); Ключевым его приемом должна была стать пародия, пародия на многочисленные *псевдолитературные* жанры... (Липовецкий 1997).

Морфемы претерпевают изменения в функционально-семантическом плане, что, в свою очередь, приводит к их диффузности в плане субстанциональном. Высокая частотность употребления *псевдо...* и *квази...* может свидетельствовать об их префиксальном характере, то есть о преобладании в них словообразовательного значения над лексическим как следствия возросшей продуктивности. Между тем, как отмечает Е.А.Земская, в результате подобной активизации «некоторые префиксы (*не-*, *анти-*, *сверх-*, *супер-* и др.) эволюционируют в направлении частиц, свободно примыкающих к словам различных частей речи» (Земская 1992; 90).

Среди анализируемых окказионализмов выделяется ряд препозитивных элементов, употребляемых обособленно: «*Гипер*» – это такой «*супер*», который самым избытком своего качества переступает границу реальности и оказывается в зоне «*псевдо*» (Эпштейн 2000); «*Диалектика «супер» и «псевдо*», которая разыгрывается внутри «*гипер*», резко отличается от классической гегелевской диалектики тезиса и антитезиса с их последующим примирением и слиянием в синтезе (Эпштейн 2000); По мнению Эпштейна, парадигму XX века можно описать через понятие «*гипер*», что значит «чрезмерный», в котором разделяются две плоскости: «*супер*» и «*псевдо*» (Курицын 2000).

О том, что в заимствованных препозитивных частях слов актуализируется корневая семантика, говорят и случаи отделения их дефисом (устаревшее, по данным БАС, написание являлось, однако, достаточно четким критерием радикальной природы, например, элемента *псевдо...* как первой части сложных слов): Такие *псевдо-соц-артовские* феномены, как приговский «*Милиционер*» или сорокинское «гниение стиля» — симулякры симулякров, <...> своего рода «третья реальность» (Маньковская 1998); римейки больших стилей <...> сочетаются с фантазийными конструктами «пропущенных» художественно-эстетических течений <...>, создавая своеобразный *псевдо-палимпсест* (Маньковская 1998); Именно этот «перекос» породил многочисленные элементы архаики, проступающие под оболочкой советской *квази-религии*... (Липовецкий 1997); На фоне культуры модернизма, литература, отказывающаяся от «новизны» и «оригинальности», кажется молчащей, тавтологически повторяющей уже сказанное и потому *квази-существующей*, миражной (Липовецкий 1997). Ср. *квази-жизнь* и *квази-организм* (НРЛ-84; 133).⁴

Е.А.Земская, придерживаясь определения «приставка», пожалуй, впервые указывает на существенные различия в семантике и сфере употребления *псевдо...* и *квази...*: «*псевдо-* содержит компонент ‘обман, лживость’, тогда как *ква-*

⁴ Д.Э.Розенталь предлагает оставить дефисное написание *псевдо-*, *квази-* и *пан-* перед собственными именами: «*квази-Пушкин*, *пан-Европа*». Примечательно, что данные элементы определены им как «начальные составные части» (Розенталь 1999; 43), в отличие от «*анти-*, *архи-*, *гипер-*, *интер-*, *инфра-*, *контр-*, *пост-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *ультра-*, *экстра-* и др.», названных здесь же приставками (Розенталь 1999; 31,33,43). Аргументы тако- го разграничения в указанной работе не приводятся.

зи- <...> содержит компонент 'недоведение до необходимого предела', 'почти' <...> слова с *псевдо-* содержат субъективную оценку лица, тогда как слова с *квази-* характеризуют состояние именуемого объекта. <...> Приставка *псевдо-* гораздо более активна, чем *квази-*» (Земская 2000; 115). Здесь же анализируется смысловое и функциональное сближение и расхождение *псевдо...* и *квази...* с исконными морфемами *полу...*, *недо...* и *лже...* (которые, по разным источникам, являются либо приставками, либо префиксоидами). Например, меньшая продуктивность *лже...* по сравнению с *псевдо...* и *квази...* объясняется ее более «прозрачной» внутренней формой (Земская 2000; 116).

Действительно, как показывают наблюдения, в литературной критике постмодерна относительно редко используются морфемы *полу...* и *лже...*. Ниже приводятся немногие выявленные нами примеры окказионализмов с этими частями: *Происходит постепенный дрейф от воспоминаний к снам, фальсификациям, симуляции, лжеперсонажам* (Маньковская); *Однако и здесь возможно лжестановление: автор видит один из его примеров в женском становлении письма у Г. Флобера по принципу истерической самоидентификации типа «Госпожа Бовари — это я»* (Маньковская); *Так, свое «параллельное кино» братья И. и Г. Алейниковы определили как лжеконцептуализм — не идеи, не игра в идеи, а игра в игру.* (Маньковская 1998); *...художественная практика постмодернизма, разумеется, лишь в своих наиболее значительных образцах соответствует заявленному новому ключу, отнюдь не оправдывая лжеклассической помпезности своей массовой продукции* (Маньковская 1998); *...бродят и другие порожденные Бахтиным существа — полутелесные образования, симулякры* (Курицын 2000); *вяло-симпатичное пространство полуискусства-полуигры* (Курицын 2000); *Но в романе Соколова между этими кодами не возникает ни малейшего конфликта, они идиллически сливаются в полуфантастический-полупародийный стиль* (Липовецкий 1997); *Но до него, в сущности, остается один шаг - через невидимое и уже полупроницаемое пространство, отделяющее автора, созидającego своим стилем новый, личный, космос, от хаоса бытия, все плотнее обступающего его со всех сторон* (Липовецкий 1997).

Интересно отметить, что терминообразующая функция актуализирована здесь больше для морфемы *лже...* (кроме слова *лжеклассический*, скорее оценочно-экспрессивного. Ср. *лженаука*), традиционно имевшей терминологическое значение лишь в ботанике. Элемент *полу...*, наоборот, весьма активно образовывавший термины во многих областях знания (ср. *полугласный, полуустав, полусфера, полушарие, полупроводник*), используется для передачи семантики приблизительности, нечеткости.

Сравнение трактовок препозитивных словоэлементов в лингвистической литературе и, в частности, толковых словарях, может способствовать выявлению динамики субстанционального и функционального статуса соответствующих препозитивных элементов, а также определить некоторые методологические основания лексикографического описания данных элементов в сравнении с их описанием в лингвистической литературе иного рода.

Анализ различных источников показывает, что морфемный статус рассматриваемых нами частей слов трактуется неоднозначно. Так, в **РГ-80** части *псевдо...* и *квази...* вообще не упоминаются. **НСРЯ**, как и **ТССЕ**, трактует *псевдо...* и *квази...*, не разграничивая их семантику, как достаточно регулярные и продуктивные в книжной речи префиксальные словообразовательные единицы, выделяющиеся как в именах существительных, так и в прилагательных. Ту же позицию занимает и **ТСИС**.

По нашим наблюдениям, на сегодня в лингвистике нет единого мнения относительно морфемного статуса и семантики большей части рассматриваемых нами словоэлементов, что дает основания говорить об их *функционально-семантической и субстанциональной диффузности*, фиксируемой исследователями с разных позиций. **РГ-80**, например, отмечает продуктивность словообразовательного типа существительных с префиксом *супер-* в научно-технической терминологии и в газетно-публицистической речи, где *супер...* синонимична приставке *сверх...* Между тем семантика *супер...* и *сверх...*, а также синонимичных *архи...*, *ультра...*, *экстра...* не дифференцирована, хотя сфера употребления *супер...* обозначена шире остальных. **НСРЯ** трактует *супер...* как префиксальную словообразовательную единицу, выделяющуюся в именах существительных, а не в прилагательных, как утверждает **РГ-80**. Семантика *супер...*, *архи...*, *сверх...* и *ультра...* снова не разграничена. **ТСИС** определяет *супер...* как приставку, образующую существительные и прилагательные (от лат. *super* – сверху, над).

Вместе с тем, в ряде толковых словарей (**БАС**; **МАС₂**; **БТС**; **СНС**; **ТС-XX**) заимствованные препозитивные морфемы типа *гипер...*, *квази...*, *пост...* *псевдо...*, *сверх...*, *супер...* квалифицируются как первые части сложных слов, т.е., по сути, префиксоиды.⁵ Ср., напр.: «**ПСЕВДО...** [от греч. *pséudos* – ложь, вымысел]. *Первая часть сложных слов (служит для образования прилагательных и существительных)*. Книжн. Вносит зн. сл.: ложный, мнимый. *Псевдогерой*, <...> *псевдонародный*, <...> *псевдонаука*» (**БТС**); «**ПСЕВДО...** *Первая часть сложных слов (обычно терминов), вносящая значение: мнимый, ложный, не истинный, не настоящий, напр.: псевдогероический, псевдоискусство, <...> псевдоэллипс*» (**БАС**). См. также статьи **ПСЕВДО...** и **КВАЗИ...** в **НСРЯ**, **ТСИС**.

Приставкой считают элемент *супер...* **СОШ** и **НСРЯ**, видимо, следуя критерию освоенности морфемы русским языком. Стоит отметить, однако, что этот критерий явно декларируется лишь в **ТСИС**: «**ГИПЕР...** [< греч. *huper*, над, сверх, по ту сторону]. *Первая составляющая часть иноязычного слова или приставка (в словах, образованных в русском языке), указывающая на превышение нормы, напр. гипертония, гиперзвуковой; противоп. гипо...*».

Компромиссную позицию занимает Т.Ф.Ефремова, выделяя в **НСРЯ** 4 статьи для *псевдо...*: «**ПСЕВДО-¹** префикс <...> **ПСЕВДО-²** префикс <...> **ПСЕВДО-³** префикс <...> **ПСЕВДО...** 1. Начальная часть сложных слов» и 3 – для

⁵ Кроме того, *супер*, *ультра* и *экстра* и т.п. зафиксированы как отдельные слова. Ср., напр.: «**СУПЕР**. I. –а.; м. Разг. = Суперобложка. *Книга в супере. Красочный с. П. неизм.; в зн. прил. Разг. Отличный, очень хороший, превосходный. У него джинсы просто с.< Супер, в зн. нареч. (2 зн.). Как дела? – С.!*» (**БТС**).

квази... (**КВАЗИ-¹** префикс <...> **КВАЗИ-²** префикс <...> **КВАЗИ ... 1.** Начальная часть сложных слов». При этом вряд ли возможно выявить реальное семантико-функциональное различие между этими якобы омонимичными единицами (различается лишь иллюстративный материал, да и то непоследовательно: *псевдоискусство* приводится как в статье **ПСЕВДО-²** префикс, так и в статье **ПСЕВДО...**, все примеры из которой вполне можно распределить между первыми тремя статьями.). Так же не ясно, почему для *квази...* оставлено лишь три статьи (аналогичная ситуация с толкованием значения – «одинакового» для *псевдо...* и *квази...* – и примерами). Более уместным представляется все четыре статьи для *псевдо...* свести в одну (**ПСЕВДО...**), аналогично – для *квази...* (размежевав их при этом семантически и по сфере употребления).

Однако из всего вышесказанного закономерно вытекает вопрос: почему, несмотря на устойчивую лексикографическую традицию квалифицировать подобные части слов как радикальные, существует не менее устойчивая традиция в работах по словообразованию называть эти единицы префиксами (как пример префиксоида обычно приводится лишь *полу...*).

Чтобы внести определенность в отношении морфемного статуса препозитивных заимствованных частей слов, целесообразно вспомнить традиционные критерии выделения корня, префикса и префиксоида.

Н.М.Шанский относит к **корневым морфемам** непроеизводные основы, которые в каждом слове являются основным элементом, мотивирующим его значение (Шанский 1968). В.Н.Немченко дополняет это замечание критерием повторяемости в составе всех родственных слов, образующих словообразовательное гнездо; а также критерием незакрепленного места в слове, отмечая также, что корневая морфема должна номинировать фрагмент реальной действительности (Немченко 1984). **РГ-80** утверждает, что «корневой морф может полностью совпадать с основой» (**РГ-80**; 124), и тут же отмечает совпадение некоторых префиксальных морфов с основами служебных слов.

Критериям корневой морфемы отвечают некоторые из приведенных выше примеров (псевдо и квази, гипер и супер как самостоятельные слова).

Среди признаков **префиксов** необходимо отметить их большую, по сравнению с суффиксами, независимость от базовой основы, способность образовывать слова в качестве одиночно выступающей морфемы, «более узкий, чем у суффиксов, диапазон действия» (Шанский 1968; 100). Префикс должен выражать лексико-грамматическое значение; «может иметь побочное ударение» (Немченко 1984; 21).

Признакам префикса соответствуют примеры иноязычных препозитивных элементов в новообразованиях, кроме случаев дефисного написания.

В лингвистике даются различные критерии выделения **префиксоидов**. В.Н.Немченко называет префиксоидом морфему, совмещающую «признаки приставки и корня» (Немченко 1984; 214). Н.М.Шанский относит к аффиксоидам радикальные морфемы с «абстрактной семантикой, близкой к словообразовательному значению аффиксов» (Шанский 1968; 89), исполняющие в соста-

ве сложных слов аффиксальные функции. Отмечается также обязательная регулярность префиксоидов. Префиксоид характеризуется способностью выступать в качестве корня и в то же время в качестве префикса (Немченко 1984). При этом префиксоид понимается как один из этапов эволюции от корня к префиксу. В.В.Лопатин называет аффиксоидом «компонент сложного или сложносочиненного слова, повторяющийся в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу – суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов)» (Лопатин 1997). Здесь же приводится значительно расширенный перечень примеров префиксоидов: «само- (самообслуживание, самодисциплина), полу- (полукруг, полупроводник), лже- (лженаука, лжеученый) <...>, видео- (видеофильм, видеопленка), орг- (оргработа, орготдел)» (Лопатин 1997). Также отнесены к аффиксоидам «связанные компоненты сложных слов, не выступающие в качестве корневых в словах иной структуры, напр. <...> префиксоиды <...> аэро- (аэровокзал, аэросев), псевдо- (псевдоискусство, псевдоготический), еже- (ежедневный, ежегодный)» (Лопатин 1997), традиционно называемые аффиксами (Земская 2000, Немченко 1984, Шанский 1968 и др.).

Критериям префиксоида отвечают препозитивные части во всех выявленных новообразованиях.

3.2. ОСОБЕННОСТИ ОТОНИМИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ. Изучение отонимных производных в отечественной лингвистике отмечено такими именами как О.И.Александрова (1), Н.В.Подольская (11), Р.Ю.Намитоква (8), Н.Е.Касьяненко (4), Л.М.Буштян (3) и др. В основном исследования проводились на материале художественных и публицистических текстов, что позволило достичь всесторонней разработанности темы в данной сфере. Между тем систематический анализ отонимных дериватов в метадискурсе, насколько известно, не предпринимался. Решение этой проблемы назрело сегодня ввиду чрезвычайного развития «информационного общества» и интеграции в него нашей страны.

Имена собственные (ИС) «гипертрофированно номинативны» (12:60); в их функционировании экстралингвистические факторы играют, видимо, не меньшую роль, чем собственно лингвистические, в соответствии с чем ИС нуждаются в обязательной соотнесенности с «конкретными объектами» (7:107). В силу указанных причин некоторые ИС входят в активный лексикон среднего носителя языка, подавляющее же большинство известно в ограниченном (географически, профессионально или социально) употреблении.

Для ЛК характерно образование отонимных окказионализмов как с терминологическим, так и с нетерминологическим, экспрессивным значением. В области суффиксации наблюдается экспансия иноязычных формантов. Так, малоупотребительным становится суффикс притяжательных прилагательных *-ов/-ев-*, ранее носивший терминологический характер. Сегодня его основное значение, имеющее оттенок непринужденности, разговорности [РГ-80,269], особенно

ярко выделяется на фоне актуализировавшихся синонимов – моносемичных суффиксов **-ианск-**, **-ист-**. Таким образом, суффикс **-ов-/-ев-**, изредка используемый в терминологических новообразованиях, приобретает черты архаичности. Действительно узуальные термины (*Магелланов (Берингов) пролив*, *архимедова сила*, *(не)эвклидова геометрия* и т.п.) и идиомы (*ахиллесова пята*, *сизифов труд*) с этим суффиксом образованы еще в то время, когда суффикс имел нерасчлененное нейтральное значение принадлежности лицу, названному мотивирующим ИС. Логично предположить, что терминологическое значение, архаизировавшись, утратило продуктивность, а в новообразованиях является окказиональным, выбранным в целях создания иронии. Например: *мандельштамовы формулировки* [Немзер 1998]; *фрейдово «бессознательное»* [Эпштейн 2000] *контуры велемировой вселенной* [Немзер 2001]; *марксова теория абсолютного обнищания пролетариата* [Эпштейн 2000]; *марксово разделение построения двух фаз коммунизма* [Эпштейн 2000] (ср. *бахтинистское сообщество* [Курицын 2000] а также узуальные слова **фрейдовский**, **рейганский** и т.п.).

Выбор варианта аффикса существенно влияет на характер словообразовательной семантики. Окказиональный выбор алломорфа видим в следующих примерах: *Если героиню зовут Татьяной, а ее старшую сестру – Ольгой, это, конечно, пушкиньянство* [Немзер 1998]; *Нет в пушкиньянском романе Евгения...* [Немзер 1998]. «Йотированные» варианты **-янск-** и **-янств-** в норме употребляются лишь после сочетания «гласный + мягкий сонорный», например, *гегельянский* [РГ-80,87]. Орфоэпически (и как следствие, орфографически) здесь предопределен выбор вариантов соответственно **-ианств-** и **-ианск-** (ср. *моцартианствующий пшит*; *дерридианский след*; *борхесианские сюжеты* [В. Курицын], от которых автор отказался в целях придания семантике деривата экспрессивности, оценочности: по всей видимости, сегодня употребление «йотированного» алломорфа в подобных дериватах вносит дополнительные иронические или пейоративные оттенки смысла. Ср. образованные по узуальным моделям слова в следующих примерах: *ставший «пушкинианцем» Кибиров* [Немзер 2001]; *Кибиров как правоверный пушкинианец с первым поэтом спорить не будет* [Немзер 2001]; *борхесианские сюжеты* [Курицын 2000]; *борхесианец* [Курицын 2000]; *моцартианствующий пшит* [Курицын 2000]; а также примеры ниже. Необходимо отметить, что наличие (орфо)графических преобразований вообще характерно для отонимичных производных: практически все они пишутся со строчной буквы (сказывается их дейктическая, гипертекстовая функция).

Варианты могут оказаться и мнимыми. Ср., напр., *Ницшевская философия жизни* [Эпштейн 2000] с узуальным словом **ницшеанский**. Суффикс **-анск-** генетически восходит к романскому суффиксу относительного прилагательного **-an-**, сросшемся с аналогичным русским суффиксом в процессе адаптации заимствованных дериватов и приобретшему в результате специфическое значение ‘относящийся к течению общественной жизни, названному мотивирующим ИС’. Суффикс **-евск-** (если трактовать этот случай как гапологию) является

алломофом морфемы **-ск-** со значением отнесенности к мотивирующему существительному. Ср. вариант **-овск-** в следующем потенциализме: **блоковская стратегия «лирического романа»** [Немзер 2001].

В некоторых случаях от онимов образуются глаголы на **-ирова(ть)** в форме страдательных причастий, подвергаемых адъективации: *Творчество для Терца – Синявского – самовыражение*. <...> В «Прогулках» Пушкин дан в сильно деформированном, субъективном, «**терцированном**» виде [Кузьмичев 2001, 62-63]. Здесь снова формантом выступает продуктивный заимствованный суффикс: «**терцированный**» < ***терцировать** < **Терц**. Ср. в следующем примере: *Из других "баратынских" реминисценций отмечу: вариации "Леды", впрочем, трогательно пушкинизированные* [Немзер 2001] – **пушкинизированный** < ***пушкинизировать** < **Пушкин**.

Ввиду того, что ИС в метадискурсивной практике зачастую отсылают к персонажам иноязычного культурного континуума, их участие в процессах деривации сопровождается **морфонологическими изменениями**. Как правило, это **концевое усечение при суффиксации**: **дерридианский след** [Курицын 2000]. **Дерридианский** < Деррид||а + **-ианск(ий)**. Возможно и появление **асемантических прокладок**: **раблезианский** < Рабле + з + **-ианск(ий)**; **пушкинизированные** [Немзер 1998].

Сочетание **префиксации**, **суффиксации** и **постфиксации** зафиксировано в слове **Офилофецлся** [Немзер 1998] – ‘стал монахом по имени Филофей’ [о герое романа Ч.Айтматова «Тавро Кассандры». – Д.Г.]. **Офилофецтсья** < **о-** + **Филофе[ј]**- + **-и(ть)**- + **-ся**. Скрытый «ј», скорее всего, остается в слове.

Конфиксацию можно усмотреть в наречии **по-кибировски** [Немзер 2001], хотя целесообразнее трактовать его как **префиксально-суффиксальное**: **по-кибировски** < **кибировский** < **Кибиров**. Ср. похожий процесс в след. примере: *Наряду с Василием Аксеновым, вдруг утратившим присущий ему здравый смысл (решившим поиграть в «Цивилизацию» по-березовски)* [Немзер 2001]; *каменя на камне не оставляет от по-бродски эффектной начальной фразы* [Немзер 2001]. Слова **по-березовски** и **по-бродски** образованы соответственно от ИС **Березовский** и **Бродский**, которые подверглись **десубстантивации**, **префиксации** и **суффиксации**.

Префиксация в некоторых случаях осложняется **дефисацией** (в отличие от кодифицированной «дефисации» предыдущих примеров): **пост-есенинские** и **пост-горьковские** названия рассказов Виктора Ерофеева [Эпштейн 2000]. Можно объяснить в этих случаях дефисацию как условиями читабельности слова, так и диффузностью морфемного статуса препозитивной части **пост-** (префиксация здесь трудноотличима от сложения). Заимствованные приставки, например, **анти-**, вообще более активны, что отражает общезыковые тенденции: **многочисленные «антиблоковские» стихи Кибирова** [Немзер 2001]; *К тому же «гончаровский» код приправлен «филологией» с легким «антипушкинским» акцентом* [Немзер 2001].

Сложение в основном представлено чистое: **бахтиноведение** [Курицын 2000]; **радищевско-фонвизинская направленность** в литера-

туре [Эпштейн 2000]; сталинско-ждановская эстетика [Эпштейн 2000]; *Довлатов относится к своей <...> халтуре моцартиански-пушкински* [Курицын 2000]; *Тот же сборник открывается вариацией бодлеровско-цветавского «Плавания»* [Немзер 2001].

К сложению следует, скорее всего, отнести и производные с аффиксоидами – суффиксоидами: *«Будетлянин» Виктора Григорьева – свод работ одного из наиболее авторитетных «велимироведов»* [Немзер 2001] и префиксоидами: квазидостоевские *вопли донесений жандармского агента* [Немзер 2001]. В последнем примере сложение совмещено с десубстантивацией.

Среди окказиональных способов следует отметить реонимизацию: *женская одежда, подаренная волшебным варьете, издевательски – и с каким-то вполне Маяковским презрением к мещанским канарейкам – растворяется в воздухе* [Курицын 2000]. Десубстантивированное слово Маяковский написано с прописной буквы, для чего нет видимых причин (омонимия типа Немецкий/немецкий невозможна), кроме прагматической цели привлечь внимание читателя или попытки создания некоего прилагательного онима. Ср. *Зато «лирическую героиню» именует с маяковской прямокой* [Немзер 2001]; *Из других «баратынских» реминисценций...* [Немзер 2001].

В отдельных случаях встречается рифмованная разновидность сложения – гендиадис: детский-немецкий-хармсовский *стишок про собак Плюха и Плиха* [Немзер 1998].

В целом для ЛКП свойственно производить от антропонимов культурного континуума суффиксальные потенциальные и окказиональные прилагательные и существительные со значением отнесенности к культурной ситуации, характеризующей мотивирующим онимом.

3.3. Интерактивная деривация обладает и терминообразующими потенциями. Так, специфическую микросистему терминов ЛКП могут сформировать такие дериваты, как (пост)модернизм [Тупицын 1998]; (предпост)модернизм [Липовецкий 1997]; преди-(среди-, после-)словие [Давыдов 2001]; “супер”идея [Эпштейн 2000]; анти-метафизический [Эпштейн 2000] и т.п. ЛКП как метадискурс задает новые способы образования, глубину смысла для подобных дериватов и новый ракурс их изучения.

Терминологический характер дериватов, построенных по типовым моделям, предполагает их активное функционирование в метадискурсивной практике и широкие возможности узуализации. Собственно окказиональные, нетерминологические дериваты (ср., напр., *Чёрный призывает Маяковского в соучастники своего (без)ум(ного)ысла* [Давыдов 2001]) отражают творческую, игровую составляющую литературной критики как особого вида литературы, сочетающего в себе черты литературоведения, эссеистики, публицистики.

Наблюдения, сделанные в третьей главе, подводят к следующим выводам:

-на примере описания ряда активных заимствованных морфем может быть прослежен терминологический и методологический «разнобой» в современной

лингвистике и, в частности, лексикографии. Видимо, в этом случае словари отражают характерное для современности «брожение» в языке;

- в критерии выделения префиксоида можно включить уточнение: префиксоидом может быть не только корень в функции аффикса (что больше подходит к исконным элементам), но и заимствованный аффикс, обретающий корневую семантику (закрепляющий за собой определенный сегмент концептосферы);

- усиление роли препозитивных частей в деривации вызвано, вероятно, потребностью в повышенной информативности деривата. Особенно наглядно это проявляется в почти полном бездействии суффиксоидов, т.е. корней в функции суффиксов.

- учитывая тенденцию к экономии языковых средств, нельзя признать вполне продуктивным подход толковых словарей, не разграничивающих многие синонимичные морфемы ни семантически, ни функционально. Общая рекомендация здесь – детализировать, специфицировать описание подобных (далеко не абсолютных!) синонимов;

- словарное определение типа «первая часть сложных слов» носит скорее формальный характер (чем можно объяснить объединение под этой характеристикой усеченных основ, связанных корней и префиксов/префиксоидов), в отличие от определения типа «префикс», прямо называющего морфемный статус. Поэтому представляется целесообразным ввести в структуру словарной статьи наряду с обозначением «префикс» также и различные обозначения корневых элементов, выделенных в самостоятельные статьи, например «аналит» (Земская 1992; 59), «префиксоид», «радиксоид», «суффиксоид», «усеченная основа».

Таким образом, можно говорить о диффузном, переходном характере иноязычных препозитивных морфем, их семантико-функционального и морфемного статуса, что в немалой степени обусловлено особенностями их функционирования в современной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности словопроизводства в ЛКП во многом обусловлены используемым типом речи. При всем многообразии жанров и свободе от идеологических стандартов дискурс ЛКП по преимуществу носит описательный характер с выраженным отклонением в сторону рассуждения. Отсюда абсолютное преобладание слов именных частей речи в текстах ЛКП вообще и среди новообразований в частности: подобно научным, тексты ЛКП характеризуются номинативностью, поскольку глаголы в научном тексте в большинстве своем десемантизированы и выполняют связочную функцию. Именная деривация здесь обнаруживает и некоторые эволюционные черты. Можно наблюдать ряд переходных явлений в сфере морфемного статуса средств деривации, изменение их продуктивности и семантики. Соответственно переходным средствам нужно выделить и способы словообразования переходного типа. Так, факты, пограничные между аффиксацией и композицией, в основном представленные дериватами или формантами иноязычного происхождения, эволюционируют в направлении композиции (а словоэлементы исконного происхождения, как правило, из корневых морфем превращаются в аффиксальные). Подобные тенденции и в асемантических сегментах, приобретающих черты морфем (не возобладание словообразовательного значения над лексическим, а *обретение лексического значения*, т.е. участие фономорфологического комплекса в означивании определенной семемы).

Между тем специфический ракурс исследования (антропоцентрический) и его материал (корпус новообразований ЛКП сам по себе) позволяют выявить не только изменение привычных величин, но и существование феноменов, ранее не описанных.

Наблюдения за современными речевыми процессами (и в первую очередь – в произведениях литературной критики) приводят нас к выводу о большей, чем принято думать, сфере распространенности словопроизводства. Так, возможно выделение по крайней мере двух еще не изученных больших областей, обширно представленных, в частности, отонимическими дериватами. Это *идеографическая деривация* и *виртуальная деривация*. Именно здесь образуются самые необычные, непривычные, окказиональные слова. Однако описание многих дериватов с этих позиций требует и нового подхода к системе языка, его основных единиц, тщательно разработанной классификации функционально-семантических особенностей разных видов письма, отношения языка к речи и мышлению и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основные источники

- Генис 1999 – *Генис А.* Иван Петрович умер. Статьи и расследования. – М., 1999.
Курицын 2000 – *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. – М., 2000.
Липовецкий 1997 – *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург, 1997.
Маньковская 1998 – *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.
Немзер 1998 – *Немзер А.* Литературное сегодня. О русской прозе 90-х. – М.: Новое литературное обозрение, 1998 – 432с.
Скоропанова 2000 – *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. Изд. 2-е, испр. – М., 2000. – 608с.
Эпштейн 2000 – *Эпштейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория. – М., 2000.

Литература

- Александрова 1974 – *Александрова О.И.* Поэтические неологизмы начала 20 века// Русская речь, 1974. – №1. – С.42-46.
Алексеева 1998 – *Алексеева Л.М.* Текстопорождение и творчество в науке// Текст: стереотип и творчество. – Пермь, 1998. – С.31-49.
Бакина 1977 – *Бакина М.А.* Словообразование// Языковые процессы современной художественной литературы. Поэзия. – М.: Наука. 1977. С. 78 – 128.
Балалыкина, Николаев 1985 – *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование: Учебное пособие. – Казань, 1985. – 184с.
Балли 1955 – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. – М., 1955.
Бор Н. Избранные научные труды: в 2-х тт. – Т.2, М., 1971.
Винокур 1943 – *Винокур Г.О.* Маяковский – новатор языка. – М.: Сов. писатель, 1943.
Габинская 1981 – *Габинская О.А.* Типология причин словообразования. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1981. – 152с.
Гумбольдт 1984 – *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – 371с.
Земская 1973 – *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304с.
Земская 1992 – *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М., 1992. – 221с.
Земская 2000 – *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык конца XX столетия. – М., 2000.
Зенкин 1995 – *Зенкин С.* Культурология префиксов// Новое литературное обозрение, 1995. – №16. – С. 47-53.
Изотов 1990 – *Изотов В.П.* Социально-словообразовательный аспект изучения новообразований (на материале современной русской советской драматургии). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 1990. – 22с.
Изотов 1994 – *Изотов В.П.* Графическое словообразование?// Гуманитарные проблемы глазами молодых. – Орел. – 1994. – С.119-120.
Изотов 1998 – *Изотов В.П.* Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Дис. ... докт. филол. наук. – Орел, 1998. – 341с.
Лопатин 1997 – *Лопатин В.В.* Аффиксоид // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997.

- Лыков 1972 – *Лыков А.Г.* Русское окказиональное слово. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1972. – 59с.
- Лыков 1976 – *Лыков А.Г.* Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: Учебн. пособие для филол. факультетов ун-тов. – М.: ВШ, 1976. – 119с.
- Намитокова 1986 – *Намитокова Р.Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов-на-Дону, 1986.
- Намитокова 1989 – Намитокова Р.Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной русской поэзии). – Автореф. дис.... докт. филол. наук. – М., 1989. – 33с.
- Немченко 1984 – *Немченко В.Н.* Современный русский язык. Словообразование. – М., 1984.
- Панов 1984 – *Панов М.В.* Занимательная орфография: Кн. Для внеклас. Чтения учащихся 7 – 8 кл. – М.: Просвещение, 1984. – 159с.
- Торопцев 1980 – *Торопцев И.С.* Словопроизводственная модель. – Воронеж, 1980.
- Улуханов 1996 – *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – 256с.
- Шанский 1968 – *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, . – 310с.
- Янко-Триницкая 1975 – *Янко-Триницкая Н.А.* Междусловное наложение // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975.
- Янко-Триницкая 2001 – *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке/ РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Индрик, 2001. - 503с.

Словари

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17т.–Т.XI.– М.-Л., 1961.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
- МАС₂ – Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1981-1984.
- НРЛ-84 – Новое в русской лексике. Вып. 8. Словарные материалы – 84. – М., 1989.
- НСРЯ – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. В 2-х т. – М., 2000.
- СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
- ТСИС – *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998.